

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 7-го Ноября 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10136.

УБИЙЦА.

Catulle Mendès.

(Изъ пѣсень слезъ)

Съ французского.

Это правда, сказаль мнѣ старикъ: всѣ должны находить страннымъ, что у меня такой печальный видъ, и что яничѣмъ не интересуюсь. У меня есть все, чтобы быть счастливымъ въ моемъ возрастѣ: материальная среды, хороший каменный домъ и садъ, гдѣ бы я могъ разводить цветы. У меня есть старинные друзья, которые охотно приходили бы ко мнѣ обѣдать разъ въ недѣлю. За десертомъ мы могли бы распивать анжуйское вино, и наше настроение было бы такое же радостное, какъ припѣвъ тѣхъ пѣсень, которыхъ теперь уже не поютъ. Эта жизнь была бы спокойная, тихая, приятная, идущая тихимъ шагомъ, какъ бы изъ страха, чтобы она не кончилась скоро. Ахъ, не для меня созданы спокойствие и хорошее расположение духа, которыми удовлетворяется эгоизмъ другихъ стариковъ. Я не могу возиться съ цветами! Мое сердце не выдержало бы смѣха и веселья за моимъ обѣденнымъ столомъ. Вотъ уже два года, какъ я не могу спокойно заснуть на своей мягкой постели.

— Да, я слышалъ, сказаль я ему: что у васъ было большое горе два года тому назадъ—вы потеряли жену. Онъ разрыдался.

— Вамъ, конечно, не все рассказали. И онъ прибавилъ, обливаясь слезами:

— Вамъ говорили, что моя жена умерла, но вамъ не сказали, что я ея убийца.

Пораженный, я невольно отстранился отъ него. Онъ не замѣтилъ этого движенія, или, можетъ быть, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ.

— Увы! я убийца.
И онъ рассказалъ мнѣ свою исторію.

— Несмотря на нашъ преклонный возрастъ, мы, Бенедикта и я, до смѣшного любили другъ друга. Легкомысленная молодежь не понимаетъ этихъ вѣжныхъ отношеній, которыхъ не могли смутить ни глубокія морщины, ни посѣдѣвшіе волосы. Старѣя вмѣстѣ, мы не думали о томъ, что мы старѣемъ. Мы не замѣчали нашей старости, какъ не замѣчаешь роста травы, на которую постоянно смотришь. Обивка старой мебели не кажется полинявшей въ той комнатѣ, гдѣ темно. Мы, шестидесятилѣтніе старики, любили другъ друга съ пыломъ и наивностью шестнадцатилѣтнихъ дѣтей. Мы были точно женихъ и невѣста и никогда не могли привкнуть при постороннихъ говорить другъ другу „ты“. Когда къ намъ въ городъ прѣѣжалъ какой-нибудь торговецъ изъ Парижа съ модными матеріями и костюмами, я всегда что-

Графъ Л. Н. Толстой.

Графиня С. А. Толстая.

нибудь покупалъ для Бенедикты. Сосѣди смотрѣли на меня, какъ я шелъ съ пакетами и покупками домой, и говорили: „Г. Жакеле несетъ свадебные подарки своей женѣ“. Ну, что жъ, это правда: настоящіе свадебные подарки. Я покупалъ непремѣнно что-нибудь розовое или голубое—эти цвета чрезвычайно шли къ свѣтлымъ волосамъ Бенедикты, хотя подъ ко-

нецъ ея жизни они были уже совсѣмъ бѣлые.

Мы сохранили привычку рано вставать и гулять, такъ что насы каждый день можно было встрѣтить до ранней обѣдни или въ паркахъ, прилегающихъ къ мѣстнымъ замкамъ, или на берегу рѣки. Мы шли, какъ женихъ и невѣста, взявшись за руки, медленно размахивая ими, какъ бы качая колыбель будущаго ребенка. Иногда Бенедикта уѣзжала легкой походкой, забывая о своемъ ревматизмѣ, чтобы сорвать маргаритку и погадать, люблю ли я ее еще. Ахъ, все прошлое было для насъ гарантіей нашего будущаго счастья. Но все-таки мнѣніе цветка казалось намъ не лишнимъ. Все это было, можетъ быть, и смѣшно, но мы были счастливы. И я не замѣчалъ, какъ и въ старину, чтобы эти наши радости отличались какими-нибудь странностями. Но всѣ улыбались, показывали на насъ пальцами и говорили: „Г. и г-жа Жакеле точно Поль и Виргинія“. Но мы не обращали никакого на нихъ вниманія. Мы были слишкомъ счастливы, чтобы думать о другихъ.

И вотъ, когда это счастье утрачено, я чувствую, что оно значило для меня.

Бенедикта вдругъ заболѣла.

— Положеніе ея серьезное! сказаль врачъ.

И онъ назвалъ болѣзнь, о которой я не хочу говорить. Я былъ пораженъ, я былъ въ отчаяніи. Это была болѣзнь, отъ которой не выздоравливаютъ. Мнѣ такъ хорошо жилось, что я никогда не думалъ о смерти. Да мнѣ и казалось всегда, что мы еще такъ молоды. И вотъ жестокая дѣйствительность сразу стала передъ моими глазами. Мысль о страданіяхъ, о старости, о разлукѣ, о кладбищѣ уже не оставляла меня. Какъ! да неужели это возможно! Она умретъ, а я останусь живъ! Я буду сидѣть въ этой комнатѣ, куда я ее привѣлъ когда-то въ подвѣнчномъ нарядѣ, съ покрасневшими щеками отъ смущенія! Я буду одинъ проводить ночи въ этомъ альковѣ, гдѣ началось мое чудное сновидѣніе, отъ которого я впервые только теперь очнулся. И наша брачная постель будетъ смертнымъ ложемъ для моей жены! Я не хотѣлъ вѣрить въ возможность такого разрушения всей нашей жизни. Я не могъ вѣрить.

Я искренно успокаивалъ Бенедикту и увѣрялъ ее, что скоро все пройдетъ. Я самъ этому вѣрилъ.

Она немного поблѣднѣла. Но мнѣ казалось, что такой цветъ лица у нея былъ какъ-то, когда она еще была девушкой. Она лежала, моя дорогая, въ большомъ креслѣ у полуоткрытаго окна: ей было пріятно чувствовать на себѣ много солнца.

Но что это было за ужасъ, когда болѣзнь Бенедикты осложнилась вдругъ ужасными страданіями. Видѣть эти конвульсіи, слышать хриплые стоны,

такъ, какъ будто ее кто-нибудь душилъ, я быль не въ силахъ. Докторъ далъ какое то лекарство, которое успокаивало временно эти боли, но предупредить, что оно ядовитое и, принятное въ большой дозѣ, можетъ повлечь за собой смерть. На рецептѣ было указано, что употреблять его нужно осторожно. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда, исполняя просьбу Бенедикты, подносилъ къ ея руку полную ложку этого лекарства. Она глотала его съ жадностью, надѣясь успокоиться и заснуть.

А болѣзнь усиливалась съ каждымъ днемъ.

— Ваша жена безнадежна,—сказалъ докторъ однажды вечеромъ, когда я его провожалъ до дверей.

Я бросился на телеграфъ. Я вспомнилъ обѣ одномъ знаменитомъ врачуѣ Парижѣ и послалъ ему телеграмму съ просьбой пріѣхать.

Бенедикта умирала. Два послѣдніе дня и двѣ послѣднія ночи были ужасны. Лежа въ постели—ахъ, эта постель!—она стонала, рычала отъ боли, вливавшись ногами въ то мѣсто груди, где внутри точно ястребъ вырывалъ у нея куски мяса. Я держалъ ея руки. Я цѣловалъ ея окровавленные ногти. Я думаю, что только матерь, видѣвшая предсмертныя муки своего ребенка, можетъ понять тѣ страданія, которая я пережилъ. Я испытывалъ такія мученія, что мнѣ не приходила въ голову даже мысль и естественное желаніе быть на мѣстѣ Бенедикты, чтобы избавить ее отъ мучительныхъ минутъ агоніи. При видѣ моихъ страданій она страдала въ сто разъ больше. О! въ сто разъ больше, несчастная!

Я каждую минуту просыпалъ за врачомъ.

Онъ отвѣчалъ:—Совершенно лишнее мнѣ иди! Нѣтъ никакой надежды. Все кончено!

И, когда я послалъ за нимъ въ послѣдній разъ, онъ сказалъ:

— Оставьте меня въ покое. Я все равно не отопру дверей. Мадамъ Жакеле умерла.

Итакъ, для меня не оставалось никакихъ иллюзій! Такъ это правда! Это должно свершиться! Бенедикта должна умереть! Умереть черезъ два часа, черезъ часъ, можетъ быть, раньше, чѣмъ успѣютъ часы пробить...

Истерзанный, измученный и беспомощный я стоялъ и смотрѣлъ, какъ моя жена корчилась и металась по постели.

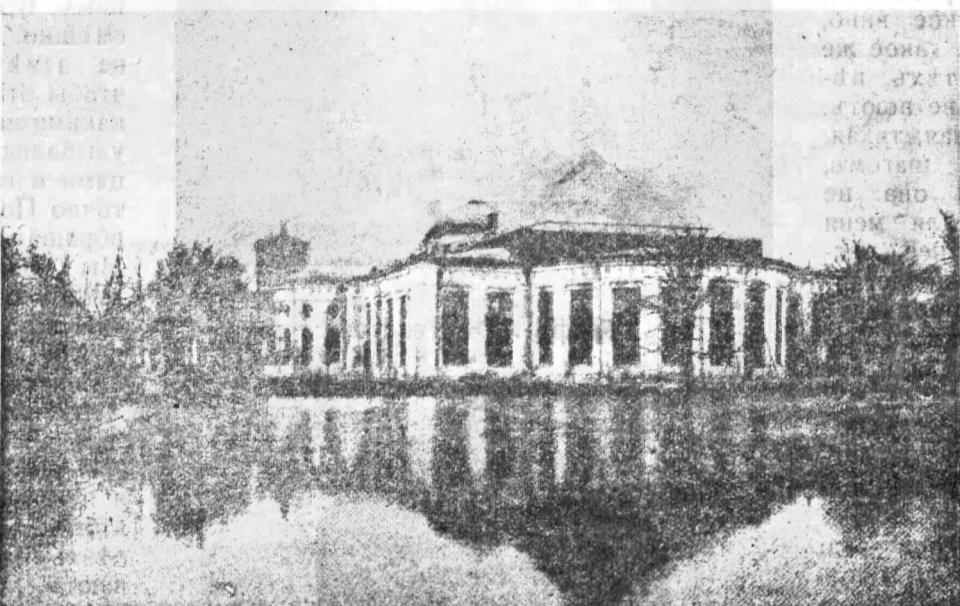
Вдругъ она поднялась, сѣла и сказала мнѣ гнѣвнымъ голосомъ:

— Я страдаю! Я страстно страдаю! Я не могу больше переносить эти мученія!.. Нѣтъ, это невозможно, я не могу, я не могу! У меня въ сердцѣ и въ груди точно куски раскаленного угля!.. Я такъ хотѣла бы умереть... Ахъ, эти страданія!.. Я прошу тебя... все равно я должна умереть... дай маѣахъ, дай мнѣ... дай!..

А. С. ТАНѢВЪ,

назначенный посломъ въ Берлинъ.

ТАВРИЧЕСКІЙ ДВОРЦЪ ПОСЛЪ РЕМОНТА.

Со стекляннымъ куполомъ надъ заломъ засѣданій Государственной Думы.

И она показала глазами и рукой на маленькую бутылочку съ лекарствомъ, которое ее успокаивало. Я вѣсъ спрашивалъ, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Она, вѣдь, слишкомъ страдала. Больше ужъ нельзя было страдать. Я взялъ пузырекъ и поднесъ его къ устамъ умирающей. Она съ жадностью прильнула къ нему и выпила все, все, до одной капли. Потомъ она упала на подушки и судорожно вытянулась. Я долго держалъ въ своей руцѣ ея руку... она дѣлалась все холоднѣй и холоднѣй.

На другой день, когда я сидѣлъ у гроба своей жены, къ подъѣзду нашего дома подкатила карета.

— Баринъ,—сказала горничная,—это докторъ изъ Парижа, которому вы послали телеграмму.

Онъ вошелъ.

Онъ внимательно осмотрѣлъ трупъ, нѣсколько разъ переворачивалъ его, ощупывалъ. Затѣмъ онъ спросилъ, какъ лечили мою жену. Горничная показала пустой пузырекъ изъ-подъ ядовитаго лекарства. Онъ взялъ его, открылъ, понюхалъ и спросилъ:

— Весь сразу?

Я вздрогнулъ.

— Да, сразу. Моя жена потребовала этого!—пробормоталъ я, опуская голову.

— Какой идѣотъ прописалъ ей это!—воскликнула онъ.—Здѣсь нужна была операция. И это такъ легко было сдѣлать. Если бы вы подождали, я бы спасъ вашу жену.

Китайскій Маркони.

Нѣсколько времени тому назадъ газеты облетѣло извѣстіе объ изобрѣтеніи китайскимъ инженеромъ Хунъ-Ли новой системы безпроводочного телеграфа, гдѣ совершенно устраниены всѣ недостатки современныхъ безпроводочныхъ телеграфовъ Маркони-Попова.

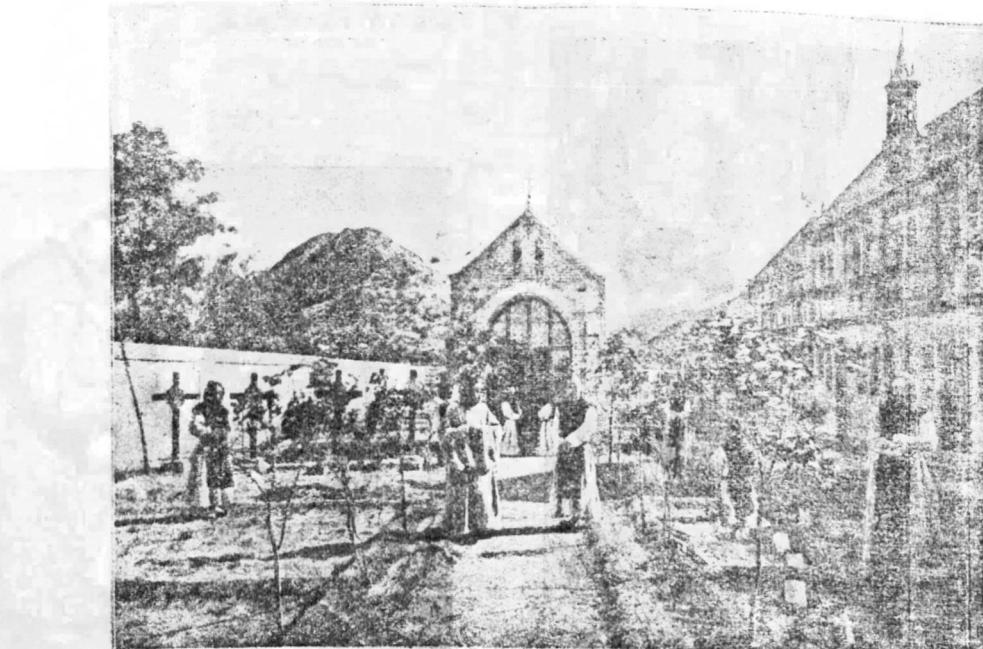
Англійская специальная пресса очень заинтересовалась этимъ изобрѣтеніемъ и теперь, со словъ „The English Mechanic“, мы можемъ сообщить некоторые подробности.

Хунъ-Ли, окончивший высшую политихническую школу въ Америкѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучавшій телеграфированіе по обѣимъ системамъ, остроумно соединилъ въ себѣ приборъ хорошия стороны телеграфа и Маркони и Попова, устранивъ присущіе имъ недостатки. Какъ извѣстно, слабой частью безпроводочного телеграфа, мѣшающей его повсемѣстному употребленію, является аппаратъ для прерыванія тока, такъ-называемый когереръ. Приборъ этотъ состоитъ изъ небольшого ящика, наполненного мелкими металлическими опилками. Если встряхнуть

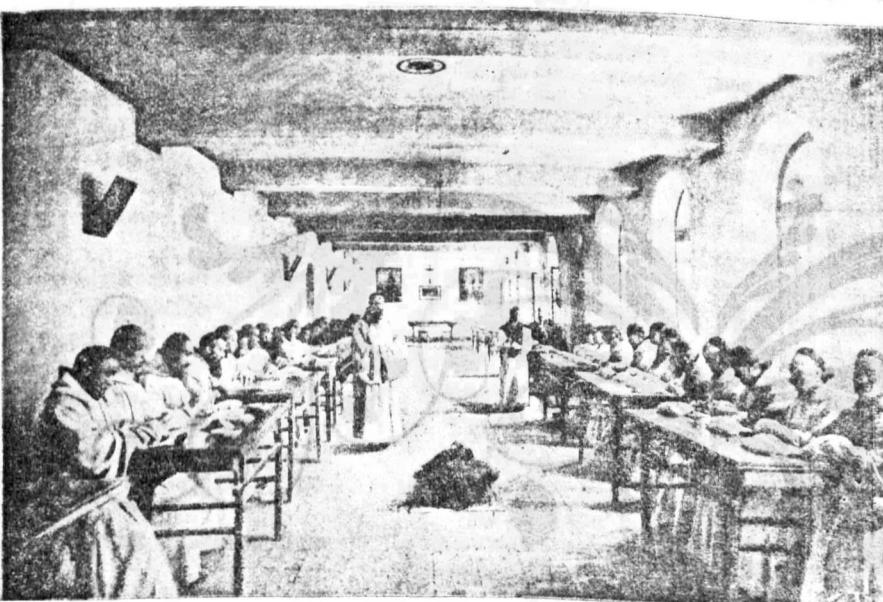
его при помощи рычага, онъ получаетъ способность пропускать электрический токъ, но только до его начала. Пропустивъ токъ, опилки измѣняютъ свое положеніе, дѣлаются непроводниками электричества, и нужно новое встряхиваніе, чтобы пропустить токъ. Замыкаетъ и размыкаетъ токъ, можно на приемочной станціи вызывать колебанія электромагнита и получать эффектъ, аналогичный обыкновенному телеграфированію. Бѣда вся въ томъ, что, несмотря ни на какія ухищренія изобрѣтателей, когереръ не можетъ долго работать. Достаточно пропустить нѣсколько телеграммъ, чтобы приборъ пересталъ работать. Хуже всего, что оттѣхъ телеграфа является совершенно неожиданнымъ для работающаго, и приходится на довольно большой промежутокъ времени прерывать телеграфированіе. Другимъ еще болѣе важнымъ недостаткомъ современныхъ безпроводочныхъ телеграфовъ является способность ихъ отзываться на всѣ колебанія электрическихъ волнъ, благодаря чему трудно устранить перехватываніе телеграммъ.

Кельи въ монастырѣ китайскихъ трапистовъ.

Китайскіе траписты на кладбищѣ.

Китайскіе траписты въ трапезной.

Хунъ-Ли удалось совершенно упразднить злополучный когереръ. Въ его приборѣ онъ замѣненъ особымъ прерывателемъ, составляющимъ секретъ изобрѣтателя. Гениальное изобрѣтеніе сына Небесной имперіи очень заинтересовало англичанъ, и весьмаѣоятно, что англійское правительство пріобрѣтѣ изобрѣтеніе для нуждъ британскаго флота.

Symposition.

На ложахъ приняты изнѣженныя позы;
На головахъ вѣнки льють запахи бензина;
Фіалки, ирисы, гвоздики, розы.
Какъ чаши дивныя вакхического зноя.

* *

Свѣтильни трепетно въ пурпурныхъ
озареныхъ
Рисуютъ мраморный ликъ Анадіомены;
И танецъ дѣвушки, исполненный кру-
женья,
Развѣяль волосы, какъ нити свѣтлой
пѣны.

* *

Вся отдалась она узорамъ пѣснопѣній,
И нагота ея мерцаѣтъ перламутромъ,
То спадострастны, то тихи ея движенья,
Какъ путь по небу бѣлой птицы ут-
ромъ.

* *

Мегилла шепчется, смѣется Навзкайя,
Поэту кубокъ свой подноситъ Левкона,
Флейтисты пѣсни ткуть свои не умол-
кая,
Подобно Пану въ чѣсть полуденного
зноя.

* *

Паяцы желтые и мими новой смыны
Рисуютъ Вакха съ Ариадной злу-
ссы.
Хмѣльной философъ Анадіомены
Упсрся лысиной въ чеканную амфору.

* *

Струятся запахи шафрана, кинемона;
Плясуны рѣзвыя приковываютъ взоры,
И молчаливы на зовъ амфитрона
Несутъ рабы чеканныя амфоры.

* *

Туники косскія развѣявиши играво,
Дѣв пантомимой забавляютъ
лесбянки;
Лишь пояса повили ихъ красиво,
И кроютъ лица ихъ пурпуроя маски.

* *

Струятся запахи шафрана, кинемона
Тѣла усталыя мерцаютъ перламутромъ;
Свѣтильни гасятся рукой амфитрона.
Подкралось утро...

* *

Л. Станкевичъ.

СМЪСЬ.

Смерть отъ дождевой капли.

Смерть отъ дождевой капли! Это совершенно невѣроятное происшествіе имѣло мѣсто въ Парижѣ. Жертва — извѣстный врачъ Дюшатлэ, близкій другъ покойнаго Франсуа Коппэ. Докторъ Дюшатлэ сидѣлъ вечеромъ въ саду одного ресторана на Елисейскихъ Поляхъ. Поужинавъ, онъ собиралсяѣхать домой на своемъ электрическомъ автомобилѣ. Обычно онъ самъ управлялъ своимъ автомобилемъ и поэтому передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ него, сталъ зажигать фонари. Вдругъ машина, безъ всякой видимой причины, пришла въ движение и съ большой силой швырнула доктора настоявшій рядомъ другой автомобиль. Съ крикомъ

Къ бѣдствіямъ въ Италии.

Развалины въ Четарро, на берегу Неаполитанского залива, пострадавшаго отъ урагана и наводненія 23 октября н. с.

несчастный упалъ, потерявъ сознаніе. Его отправили въ божонскій госпиталь. Придя въ сознаніе, онъ просилъ врача не принимать никакихъ мѣръ, такъ какъ ему осталось жить всего нѣсколько минутъ. Онъ умеръ, дѣйствительно, черезъ четверть часа отъ внутренняго кровоизліянія.

Свѣдущіе люди объясняютъ несчастное происшествіе тѣмъ, что дождевая капля попала въ машину, въ результатѣ чего произошло короткое замыканіе. Всѣ батареи сразу пришли въ дѣйствіе, и машина сорвалась съ мѣста.

Исторія автомобильныхъ катастрофъ впервые отмѣтила такой своеобразный случай.

— Никогда не напивайся до-пьяна.

— А какъ можно замѣтить, папа, что пьянѣшь?

— Это я тебѣ объясню. Видишь: тамъ въ уголкѣ два человѣка. Когда тебѣ будетъ казаться, что ихъ четыре, значить — ты пьянъ.

— Но, папа, тамъ сидитъ только одинъ.

(Flied. Bl.).

Пѣвица послѣ придворнаго концерта.

Ну что, ваше превосходительство, сказалъ о моемъ пѣни его высочество?

Генералъ. Его высочество сказалъ: это была пѣвица.

(Flied. Bl.).

Хитрецъ.

— Да, да. Черезъ посредство кредитокъ можно передать бациллы смертельныхъ болѣзней.

— Дядюшка, дайте мнѣ тогда пару сотенныхъ; мнѣ давно надоѣло жить.

(„Flied. Bl.“).

